

ПОЧЕМ ОПЕРА ДЛЯ НАРОДА?

Субъективные заметки музыкального обозревателя "ВК" Натальи Зимяниной

СОН ПЕРВЫЙ СТРАШНЫЙ

Хорошая у нас страна, добренькая. Культуру свою очень любит. Просто миру на удивленье. И пресса тоже в этой любви преуспела, музыкальная особенно. Правильно, ребята, вали все к чертовой матери, заколебата старушка утюгом! На ладан дышит, а все в зеркало норовит заглянуть... Ужо мы ей покажем.

Одному скромному журналисту с детским голоском в редакции, вероятно, на вид поставили задай. Славик, покруче что-нибудь, хватит мекать! И Славик, обычно тихий как зябтик, наваял пиквиль про "Геликон-оперу" — аж десять ошибок от старания свстал. Так журнал "Итоги" во сих лет перед театром не извинился. Собственно, весь плавес что тихой Славика в театр вывели наконец. Он, того с глаза, достигнет славы золотого пера России по имени П. Критик П. — это который про Лопольдовича в "Коммерсанте" написал, что у нее заместо носа копыта. Он и Ростроповича удостоил внимания: тот мол, по

процитировать "АиФ" № 48/1998: "Скажем, кто останется в памяти людей.... кого можно смотреть и слушать в веке XXI? У нас фактически три человека: Плисецкая, Рихтер и Пугачева". Далее весь материал посвящен, понятное дело, особе номер три. Утонченная журналистка соловьем залилась, описывая концерт одной из самых вульгарных певиц XX века. Выходящей с концерта В. не оставалось ничего другого, как "размазать по щекам слезы"! От восторга, разумеется. А вы думали, — от умора? Что-то никогда я не читала в статьях В., чтобы она размазывала по щекам слезы на опере какой или на балете. То есть, я-то ее знаю и думаю, что размазывала. Но не написала она об этом почему-то. Нечего классику баловать. А Аллу Борисовну — зидамо, есть за что.

"А что, в конце концов. Крутой с Пугачевой — не люди, что ли? Они тоже хотят оценки своего труда!" — примерно так на голубом глазу отвечают мне, обалдевшей, верткие собратья по перу. Вот, кстати, Крутой и Пугачева вместе — на фотографии в той "Музыкальной жизни". Алла Борисовна в мини, в ковбойских сапогах и шляпе. Не забудьте разма-

зать слезы по щекам.

Ясное дело, каждому на плаву хочется удержаться — и П., и Ж., и Х. не меньше, чем Генделю нашего времени. Но журналистам труднее, конечно. Чуть в сторону — о ТВ. Я, например, когда-то с удовольствием смотрела передачу "Мое кино", и Алейников представлялся мне дитем перестройки. А тут включила напередник ящик — батюшки-светы, а он левизу Натальи раскручивает, ту, над ко-

дит, дочка любимая, другое — чпгатель-дурак.

А с коллегой Д. из "Культуры" — так просто подрались я на "Демоне" в Новой опере. Какось, я говорила, что скучна мне эта премьера. А Д. мне доказывала, как-то необыкновенный спектакль. "Ой, — думаю про себя, — хорошо как, наконец похвалит что-нибудь!" Выходит ее рецензия на "Демона" — ба-а-а-а-а, гаси свет! Ничего не понимаю. Ну хоть бы что-нибудь написала из того, чем при мне восторгалась.

Для чего описываю я этот страшный сон, который длится наяву уже не год и не два, повергая в ужас реальный, а не вымороченный, музыкальный мир? А вот для чего. "ВК", например, давно подерживает молодую "Геликон-оперу", и потому из первых рук знает, что, пока В. рыдает на кон-

СОН ВТОРОЙ СЛАДКИЙ

На другой день после премьеры "Мазепы" в "Геликон-опере" главный режиссер театра и постановщик этой оперы Дмитрий Бертман из Москвы уехал. Можно сказать, бросил группу на растерзание П., Ж., Х. и пр. Но пора было начинать постановку "Русалки" Даргомыжского в таллинской "Эстони".

Газетный разгром "Мазепы" действительно был такой, что дым валил. "Это очень дорогой мне спектакль, очень! — писал Дмитрий Александрович из Таллина нам в редакцию, благодаря за "оборону

Вряд ли эстонцы будут широко отмечать пушкинскую годовщину, и "Русалка", конечно, претендует здесь на самое значительное юбилейное событие.

Главный режиссер "Эстонии" Неэма Кунигас и директор театра Пауль Химма с самого начала понимали, на какой риск идут. Но главный дирижер театра Пауль Мяги уже дирижировал "Русалкой" в Узкфорде; какая тут русофобия — Мяги "заболел" Даргомыжским, а Кунигас поддержал идею пригласить в "Эстонию" на постановку молодого московского режиссера.

— Я предложил Бертману карт бланш, — говорит Неэма. — Давно его зная, не раз предлагал ему ставить у меня в театре русскую классику. Причем так смело, как только можно. Так, как, мне казалось, не посмеет он ставить в России. И мне сейчас даже немного обидно, что "Мазепа" в его "Геликоне" произвел такой шум...

"Русалку" начали репетировать в день рождения Даргомыжского — 2 февраля. А премьеру сыграли 27-го — через два дня после празднования Дня независимости Эстонии.

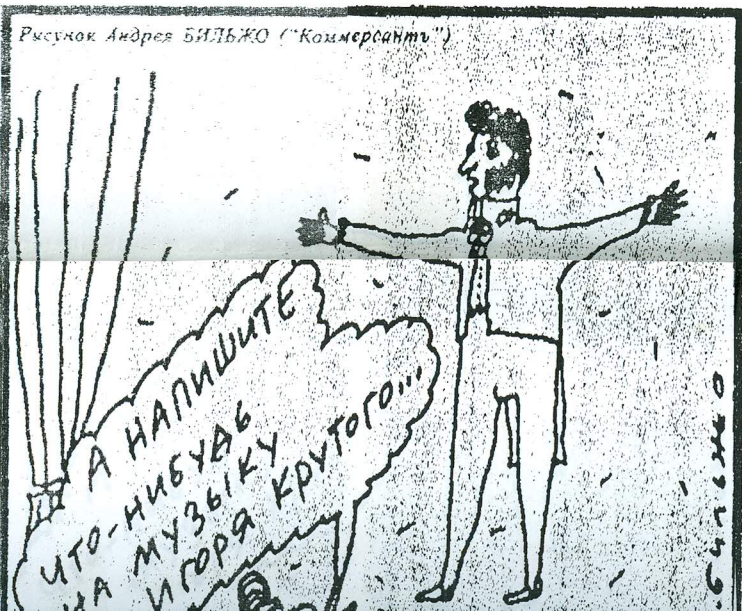
Надо видеть, что такое здесь премьеры! Два светильника живого огня встречают у входа в театр нарядную публику, шагнувшую сюда, кажется, из начала века (основан в 1906 г.). Длинные платья, голые спины, уложенные дамские головки; степенные каналеры, так не похожие на наших затюканных московских мужчин.

Заведомо предполагалось,

помешана от горя, от того, и через двенадцать лет ее сразу все еще любит покойник. Наташу. Острое сочувствие героям — фирменный знак жиссуры Бертмана, та самая счастливая зараза, которую точаю его постановки.

Мельника пост Тео Майсте которому под 70. Претензии Никаких! Забытый ныне на русских, знаменитый эстонский бас, народный артист СССР, показал такую культуру, такое разнообразие оттенков (и вокальных, и артистических), какого мы и не припомним. Как удалось ему воплотить полужизненный образ Ворона, извонный нам по картинкам из монографий о Пушкине, Даргомыжском и Шаляпине! Биография Тео Майсте сама по себе вписалась в спектакль. С 9 лет он, "враг народа", был выслан (страна-то добренькая!) в Сибирь, школьником работал на лесоповале. Чудом получил музыкальное образование и 40 лет назад впервые спел Мельника в Тарту, а потом исполнил ведущие басовые партии (в том числе Бориса Годунова) в Таллине.

Всегда есть если не причина, то повод поругать оркестр. Всегда вылезет какая-нибудь валторна фальшивая. Но не здесь и не сейчас! Оркестр под управлением Пауля Мяги совершенно не похож на московские. Звук мягкий, выразительный в оттенках, но ничуть не агрессивный. При кажущейся раскованности музыкантов — такая бережность, тщание почти музейщиков по отношению к музыке, казалось бы,

"Сате" написала, что у нее вместо яда копыта. Она и Ростроповича уводит вниманием: тот мол, по-любому удобному случаю в Россию заявляется, а Чайковского ему лучше бы вообще не играть. Везде, получается, играть, а у нас — фи, не надо, надоед. На что Мстислав Леопольдович недавно в Самаре горько сказал: все, я здесь, в России, последний раз; буду играть там, где меня хотят слушать и мое искусство никому не наказывают.

Но что там П.И. Тут в очереди еще парочка толчется. На одного главный редактор газеты, где он еще недавно упорно работал, жаловался: Господи, он у нас балета от оперы не отличает! (Зачем, спрашивается, держал такого?) Фамилия этого журналиста на букву Ж. А фамилия второго — вы просто не поверите! — на букву Х. Ох, как ругал этот Х. недавно в "Независимой газете" последнюю премьеру Большого — после не плохого "Опрынчика"! А кого хвалил? Извольте. Вот, в "Музыкальной жизни" (№ 7/1997), например, назвал Генделем нашей современной эстрады... кого бы вы думали? Игоря Крутого. Я не плучу. В том интервью Х. спрашивает Генделя нашего, г-на Крутого: "Сколько стоит сегодня популярная песня? Например, "Любовь, похожая на сон"? — "Думаю, что до пяти тысяч долларов. Потихонечку мы приближаемся к западным меркам", — отвечает Гендель.

Догадываюсь, что и сам Х. в понятном смысле тоже приближается к западным меркам. И ведь недурно устроился. Кто же сейчас "Музыкальную жизнь" читает? А то был век не отмазался. С другой стороны, у г-на Крутого теперь в обиходе мнение известного своей строгостью оперного критика, высказанное именно что в узко профессиональном журнале, что для г-на Крутого чрезвычайно ценно.

Но особенно ошеломительным кажется мне выраж коллеги В. тонкого знатока классической музыки, обладательницы абсолютного слуха, хорошего вкуса и известного имени. Позволю себе

"Музыкальной жизни". Алла Рисовна в мини, в ковбойских сапогах и шляпе. Не забудьте размазывать слезы по щекам.

Ясное дело, каждому на плаву хочется удержаться — и П., и Ж., и Х. не меньше, чем Генделю нашего времени. Но журналистам труднее, конечно. Чуть в сторону — о ТВ. Я, например, когда-то с удовольствием смотрела передачу "Мос кино", и Алейников представлялся мне дитем перестройки. А тут включила наемный ящик — батюшки-светы, а он левизу Наталю раскручивает, ту, над которой и пона-то смеется: да ей даже до Пугачевой — как Крутому до Рихтера... Или была такая передача "Те Кто". Вел ее Анастасия Соловьева и Петр Фалесев, симпатичные, интеллигентные, вроде гимназистов, с хорошей, редкой на ТВ грамотной речью. Теперь их жизнь круто перекопала: про Малодню вещают, про Ларри Флинга, про лесбиянок, в общем, байду всякую; самим, помоему, стыдно. А на плаву-то как удержаться?

Вот и о серьезной музыке сейчас материальн трудно идут, а жить-то надо. Что-нибудь приколочное приходится писать. Брамс-Шуберт сейчас как-то на отлете; Шнитке вдоль и поперек отыграли; Ростропович, знаете ли, приселся со своими Чайковскими и Шостаковичами; да и Башмет, честно говоря, засиделся что-то в России. А вот и Спизаков: как ни придет — все помон хлебает. Я раз прочла рецензию на концерт "Виртуозов" в "Московском комсомольце", и думаю: может, их два, концерта-то, было? И мы с моей коллегой К. из лихой комсомольской газеты на разные бегали? Так вроде бы виделись... А в "Теликон-оперу" К. все свою дочку 12-летнюю водит. Я говорю, зачем вы дочке вкус портите? Вы же такое про "Теликон" пишете, что, по-вашему, сюда прилично-му человеку вроде как ни попой... "Интересно ей тут", — лукаво улыбнулась коллега. Вот бы и написала: ой, плохо, плохо в "Теликоне", только вот дочке моей здесь очень интересно. Но нет, не пишет отчего-то. Одно дело, выхо-

целте Пугачевой, артисты "Теликона" (Большого театра, Новой оперы и т. д.) плотают совсем другие слезы. Свято, как дети, веря, что пишут о них честнейшие знатоки, раз уважаемые издания их таким тиражом печатают не стесняются. Я уснокою артистов еще кое-чем: в некоторых изданиях за отрицательную рецензию гонорар в два раза выше. Кроме того, писать гадости, откровенно скажу, легче. Слово злых, насмешливых, хлестких — прикиньте — в русском языке поболее наберется, чем похвальных да ласковых (см. самое начало). Опять же скандалец какой-никакой, "слава, стало быть. Добрая ли, дурная — другой разговор, главное — остаться на плаву (также см. выше). И Ж., и Х., например, открыто мечтают, чтобы кто-нибудь в суд на них подал. Можно еще успокоить артистов словами Рустама Хамдамова: "Как бы ни писали — лишь бы писали!" Действительно, вон, об Оперете вообще молчок, и о Театре им. Сац, и о Камерном Покровского все тише и тише...

"Теликона". — Как Самозванец в Литву, смылся я в Эстонию: "Русалка" второй раз меня убаюкивает..."

Полтора года назад он ставил ее на Узекфордском фестивале в Ирландии. До Узекфорда было далеко. А Таллин... Можно уговорить себя, что по-прежнему почти рядом.

Хотя надо ли объяснять, что русского человека Эстония нынче особенно не манит. Но как же снова (после путешествия на премьеру в Самаре) хотелось уехать в московского пяткачка, из столичной "курилки", где сблизился в зудающую стайку и П., и Ж., и Х., их жены и подружки, тихий Славик, а также некоторые до недавнего времени беззлобные, а теперь оживившиеся старушки, заметками которых изредка затыкают аварийную дырку на газетной полосе.

Вторая причина — привлекла очередная сенсация. На сцене "Эстонии" впервые за десять лет — русская опера.

Мировского — 2 февраля. А премьеру сыграли 27-го — через два дня после празднования Дня независимости Эстонии.

Надо видеть, что такое здесь премьеры! Два светильника живого огня встречаются у входа в театр парадную публику, шагнувшую сюда, кажется, из начала века (основан в 1906 г.). Длинные платья, голые спины; уложенные дамские головки; степенные какалеры, так не похожие на наших затюканных московских мужчин.

Заведомо предполагалось, что зрители в Эстонии не самые горячие, да и "Русалка" — это вам не "Кармен" и не Оффенбах. Все оказалось не так. Зал на этой не самой захватывающей опере сидел как под гипнозом, а занавес в конце открывали раз семь. И я сейчас все должна хвалить — потому что ругать нечего. И вот так я попадаю в тот самый капкан, о котором писал в первой части. У меня очень мало слов для того, что действительно надо видеть своими глазами, а слова пужны хороши. Буд же критиканства мне и самой хорошо знаком.

Можно было бы наворчать, что Наташа (Наталья Курем) слеплом толста. Но какой голос, какая трогательность, как сыграна роль, в конце концов! В начале спектакля это дерзвенская простушка кровь с молоком, и для того, чтобы снять с актрисы комплексы, режиссер попросту вручает ей булку, которую она беспрестанно жует в разговорах с отцом. Смешно, но бытовая подлинность диалогов, за которую так боролся Даргомыжский, почти осязаема. А в конце спектакля — Наташа уже стальной монстр, победительно увлекающий на дно давно желанную жертву.

Можно было бы написать, что здесь странная княгиня (Рийна Айренне, единственное менцо в Эстонии); в ней ничего нет от знакомого классического либрегго ("Княгиня грустит о недавних беззуботных днях"). Она по-шекспировски

Таллине. Всегда есть если не причина, то повод поругать оркестр. Всегда вылезет какая-нибудь валторна фальшивая. Но не здесь и не сейчас! Оркестр под управлением Пауля Мяги совершенно не похож на московские. Звук мягкий, выразительный в оттенках, но ничуть не агрессивный. При кажущейся раскованности музыкантов — такая бережность, тщание почти музейщиков по отношению к музыке, казалось бы, навсегда отвергнутого эстонцами русского композитора Даргомыжского. Кстати, ее не всякую минуту назовешь шедевром — а на какой pedestal она здесь возведена!

Ничто в спектакле Бертмана не показалось на этот раз не студийным, ни экспериментальным: фундаментальные устои знаменитого академического театра удачно микшируют то, что московская критика расценивает как провокацию и желание выпендриться. Старомодная скучноватая опера оказалась современной зрелищем, а зал был охвачен острым сопереживанием. Это очень разные вещи. Зрелищем восхищаешься громко. А чувство хочется пережить в одиночку — не размазать, но смахнуть слезу втайне от соседа.

...Какое все другое. Какая другая страна. Но пора и в свою. Своя страна — это Москва. Это кошмар, где нет и не будет такой "Русалки", потому что, предполагаю, очень противно работать вопреки постоянно "бу-бу-бу", "фи!" и "улюлю!" критика, которая и не производитель (хоть и сильно переоценивает свои опусы), и не потребитель (в свое удовольствие воспринимать уже ничего не способна). А бесцеремонность обслуживающей (в конечном счете) профессии всегда излучала общество нездоровое. Где многим — в том числе и журналистам — еще только предстоит искать свое полезное место.